

МНЕНИЕ

СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Н.С. БОНДАРЯ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ N 35-П ОТ 23 ИЮЛЯ 2018 ГОДА ПО ДЕЛУ
О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 208
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН Т.В. ИВАНОВОЙ, И.М. МИТИНА
И Е.В. ШКОТОВА

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2018 года N 35-П, принятое по итогам рассмотрения жалоб ряда граждан, которые поставили под сомнение конституционность [части первой статьи 208](#) ГПК Российской Федерации, так как она, по мнению заявителей, не позволяет произвести индексацию взысканных в их пользу судом денежных сумм на день исполнения решения суда, несомненно, имеет важное значение, и прежде всего потому, что, сделав вывод о неконституционности проверяемой [нормы](#), Конституционный Суд Российской Федерации всецело встал на сторону заявителей в интересах защиты их прав. Об этом свидетельствует в том числе [пункт 4](#) резолютивной части Постановления, устанавливающий, что судебные акты, вынесенные в отношении заявителей на основании [части первой статьи 208](#) ГПК Российской Федерации в той мере, в какой содержащееся в ней положение признано не соответствующим [Конституции](#) Российской Федерации, подлежат пересмотру.

Поддерживая данный подход в принципиальном плане, в то же время считаю необходимым отметить то обстоятельство, что и для правоприменителя (в лице судебных органов), и для законодателя (которому в соответствии с [пунктом 2](#) резолютивной части Постановления надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения в связи с принятым решением) важен не только вывод о неконституционности проверяемой [нормы](#) сам по себе, но и аргументы, положенные в основу этого вывода, которые могут рассматриваться и как своего рода содержательный элемент сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, нашедших отражение не только в резолютивной, но и в мотивировочной части Постановления. Если же принять во внимание еще и то, что предложенная Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем деле методология оценки процессуальных норм может иметь в дальнейшем прецедентное значение, считаю нужным высказать свое мнение, связанное с определенными соображениями в части мотивировки принятого решения.

Принципиальное значение имеет в этом плане то обстоятельство, что вывод о неконституционности сделан Конституционным Судом Российской Федерации, как вытекает в том числе из буквальной редакции [пункта 1](#) резолютивной части Постановления, во-первых, относительно оспариваемого положения [части первой статьи 208](#) ГПК Российской Федерации как такового, а не в системе действующего правового регулирования, включая нормы материального права, имеющие, как это вытекает и из самого Постановления, важное значение для решения, по существу, главного вопроса в настоящем деле - для определения критериев индексации взысканных судом денежных сумм. Во-вторых, указанный вывод сделан на том лишь основании, что проверяемая [норма](#) противоречит [статье 46 \(часть 1\)](#) Конституции Российской Федерации, поскольку, в частности, само по себе это [законоположение](#) "не содержит критериев, в соответствии с которыми должна осуществляться предусмотренная им индексация" ([пункт 1](#) резолютивной части Постановления).

В связи со сказанным возникает вопрос не только о том, насколько обоснован упрек законодателю, что именно в проверяемой процессуальной [норме](#) он не установил критерии индексации, но и о возможных вариантах, способах ее осуществления в судебной практике в условиях инфляционных процессов, о самой природе института индексации присужденных денежных сумм. Это тем более важно, если принять во внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая [часть первую статьи 208](#) ГПК Российской Федерации, а также обосновывая допустимость жалоб заявителей с учетом ранее принятого им на этот счет решения ([Определение](#) от 23 июня 2015 года N 1469-О), отметил в Постановлении следующее: названная [норма](#), не являясь по своей правовой природе санкцией, возлагаемой на должника за несвоевременное исполнение решения суда ([последний абзац пункта 3](#) мотивировочной части), не

ограничивает возможность применения судом индексации как гарантии защиты имущественных интересов взыскателя и не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителя; между тем сложившейся в последнее время правоприменительной практикой, в отличие от ранее существовавшей, "регулированию соответствующих правоотношений придается иной - неконституционный - смысл" (абзац второй пункта 4 мотивировочной части), в частности "при отсутствии урегулированного механизма индексации присужденных денежных средств действие части первой статьи 208 ГПК Российской Федерации, по сути, блокируется, что позволяет судам, ссылаясь на пробел в правовом регулировании, отказывать в индексации" (абзац четвертый пункта 4 мотивировочной части).

В этой ситуации, когда, с одной стороны, возможна констатация пробельности в правовом механизме индексации, а с другой стороны, в Постановлении прямо говорится об изменении судебной практики в направлении придания соответствующей норме свойства неконституционности, тем большее значение приобретают ее оценка в системе действующего правового регулирования и уяснение на этой основе юридической природы института индексации.

Нельзя, в частности, не учитывать, что институт индексации присужденных денежных сумм, действительно по своей природе не имеющий санкционный характер, не исключает использования различных гражданско-правовых механизмов гарантирования имущественных интересов взыскателя, что объективно предопределяет возможность (и необходимость!) сочетания процессуальных начал данного института с его материальным содержанием, которому должны соответствовать определенные нормы материального права. Подтверждением этому является, кстати, и тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации, констатируя наличие нарушения именно конституционно-процессуального права, не только не исключил - по буквальному смыслу итогового вывода, содержащегося в пункте 1 резолютивной части Постановления, - что для целей индексации взысканных судом денежных сумм могут быть востребованы те или иные ее механизмы, существующие в отраслевом материально-правовом регулировании, но и прямо оговорил в пункте 3 резолютивной части Постановления обязанность судов производить, впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений, индексацию с использованием в качестве критерия индекса потребительских цен, утверждаемого Федеральной службой государственной статистики.

Принимая во внимание конкретный характер состоявшегося нормоконтроля, где определяющее значение имеет восстановление прав, нарушенных применением нормы в конкретном деле (а речь шла об индексации подлежащих взысканию в пользу Т.В. Ивановой средств в счет возмещения имущественного вреда по приговору, в пользу И.М. Митина и Е.В. Шктова - средств, взысканных в связи с отказом от исполнения и расторжением договоров купли-продажи), не может не возникнуть вопрос о том, действительно ли признанное неконституционным законоположение не привело к нарушению каких-либо конституционно значимых имущественных прав (интересов) заявителей. Поскольку же сам Конституционный Суд Российской Федерации усматривает дефект соответствующей нормы в неполноте, пробельности содержащегося в ней правового регулирования (как отмечалось выше, ввиду отсутствия критериев индексации), постольку нарушение Конституции Российской Федерации не сводится к одним процессуальным моментам и затрагивает более фундаментальные принципы (начала) защиты (восстановления) прав граждан, имея в виду при этом особую роль права на судебную защиту.

1. Ценность права на судебную защиту, как неоднократно отмечал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, состоит в том, что, будучи основным и неотчуждаемым правом, оно одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод и предполагает наличие таких конкретных правовых гарантий, которые позволяют реализовать данное право в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства, на основе состязательности и равноправия сторон судопроизводства (постановления от 18 ноября 2014 года N 30-П, от 18 мая 2015 года N 10-П, от 15 февраля 2016 года N 3-П, от 12 июля 2018 года N 31-П и др.). Это означает, что право на судебную защиту является основополагающим конституционно-процессуальным правом-гарантией, носит обеспечительный характер, определяет процессуальную форму защиты и восстановления того или иного нарушенного или оспариваемого материального права (интереса), причем нарушение права на судебную защиту практически всегда сопряжено с нарушением другого конституционного права.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 января 2001 года N 1-П, неправомерная задержка исполнения судебного решения должна рассматриваться как нарушение права на правосудие в разумные сроки, что предполагает необходимость справедливой компенсации лицу, которому причинен вред таким нарушением. Раскрывая природу этой компенсации, осуществляемой посредством индексации взысканных судом денежных сумм, Конституционный Суд Российской Федерации

в многочисленных решениях подчеркивал, что соответствующая мера служит процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя от инфляционных процессов в период от момента вынесения судебного решения до его реального исполнения (определения от 20 марта 2008 года [N 153-О-О](#), от 25 декабря 2008 года [N 989-О-О](#), от 29 января 2009 года [N 52-О-О](#), от 19 октября 2010 года [N 1291-О-О](#), от 22 марта 2012 года [N 543-О-О](#), от 24 октября 2013 года [N 1682-О](#), от 20 марта 2014 года [N 603-О](#), от 17 февраля 2015 года [N 322-О](#), от 25 января 2018 года [N 34-О](#), от 13 февраля 2018 года [N 249-О](#) и др.). Нарушение права на индексацию, следовательно, влечет нарушение имущественных интересов, которые этим правом защищаются, притом что специфика этих интересов определяется характером спорного материального правоотношения, его соотносимостью с реализацией тех или иных конституционных прав.

Ограничение права на индексацию взысканных судом сумм процедурно-процессуальными началами, их отделение от материально-правовых, имущественных начал не только упрощает, обедняет юридическую квалификацию правоотношений, но и может создать искаженное представление о том, что такая индексация, будучи исключительно процессуальной мерой, подлежит специальному урегулированию исключительно в процессуальном законодательстве. Соответственно, коль скоро речь идет именно о дополнительном судебном-юрисдикционном средстве защиты, эта мера должна носить унифицированный характер, т.е. основываться на единообразных критериях, применяемых безотносительно к существу опосредованных судебным решением о взыскании денежных сумм конкретных правоотношений.

Между тем, согласно имеющей общее значение правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выбор критериев индексации, выступающей в качестве антиинфляционной меры для соответствующих выплат, является прерогативой законодателя, который вправе изменять их, в том числе в зависимости от инфляции, роста цен, динамики стоимости жизни, показателей прожиточного минимума в субъектах Российской Федерации и в целом по Российской Федерации, соблюдая при этом конституционные принципы справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности и гарантированности прав граждан ([Постановление](#) от 19 июня 2002 года [N 11-П](#)). В связи с этим в [Определении](#) Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года [N 1469-О](#) сделан вывод о том, что определение способа индексации взысканных денежных сумм осуществляется судом в каждом конкретном случае исходя из фактических обстоятельств конкретного дела. Логика такого подхода состоит в том, что процессуальная индексация не может не соотноситься с применяемыми в отраслевых правоотношениях средствами антиинфляционной защиты и - если, в частности, речь идет о социальных отношениях - коррелировать с установленными для получателей конкретных социальных предоставлений мерами материально-правовой индексации, не давать взыскателю преимуществ перед иными получателями соответствующих средств. Более того, применительно к предпринимательским отношениям Конституционный Суд Российской Федерации в [Определении](#) от 6 октября 2008 года [N 738-О-О](#) признал возможным и обоснованным возмещение соответствующих финансовых потерь по правилам, предусмотренным нормами материального права, в частности путем предъявления самостоятельного требования о применении способа защиты от убытков из-за инфляции в зависимости от вида спорного правоотношения ([пункт 2 статьи 317](#), [статьи 393](#), [394](#), [395](#) и другие ГК Российской Федерации).

В этом контексте представляется, что выявленная Конституционным Судом Российской Федерации неконституционность [части первой статьи 208](#) ГПК Российской Федерации должна рассматриваться не изолированно, а с точки зрения действия данной [нормы](#) в общей системе правового регулирования. Поэтому обнаруженная неконституционность не сводится к нарушению только [статьи 46 \(часть 1\)](#) Конституции Российской Федерации, а связана также - учитывая обстоятельства дел заявителей, специфику правоотношений с их участием - с нарушениями ее [статей 19](#), [35](#), [45](#) и [52](#).

2. Содержательное увязывание Конституционным Судом Российской Федерации в итоговом выводе неконституционности [части первой статьи 208](#) ГПК Российской Федерации с отсутствием в ней критериев индексации, т.е. с конституционно-дефектной пробельностью, и одновременно формальное ее признание неконституционной лишь по мотиву нарушения [статьи 46 \(часть 1\)](#) Конституции Российской Федерации порождают некую двусмысленность в отношении оснований неприменения в данном случае в качестве критерия конституционно-судебной оценки указанной [нормы](#) требования формальной определенности, вытекающего из императива конституционного равенства и принципа соразмерности ограничения конституционных прав ([статья 19](#); [статья 55, часть 3](#), Конституции Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на конституционное значение выявляемых в правовом регулировании пробелов, как снижающих уровень гарантий судебной защиты прав и свобод человека и гражданина ([Постановление](#) от 31 марта 2015 года [N 6-П](#), [Определение](#) от 10 марта 2016 года [N 448-О](#) и др.). Общая позиция Конституционного Суда Российской Федерации состоит в том, что признание законодателем того или иного права при отсутствии его специального нормативного

обеспечения ставит субъектов правоотношений в ситуацию недопустимой неопределенности, что свидетельствует о неконституционности правового регулирования ([Постановление](#) от 14 ноября 2005 года N 10-П). Неопределенность закона порождает возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного его применения, что не отвечает конституционным принципам равенства и справедливости; вызванная такой неопределенностью противоречивая правоприменительная практика ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 года [N 11-П](#), от 27 мая 2003 года [N 9-П](#) и от 27 мая 2008 года [N 8-П](#)). Отсутствие необходимого законодательного механизма применительно к реализации права на судебную защиту влечет нарушение этого права, поскольку связано с его непропорциональным ограничением, снижением его конституционных гарантий, т.е. нарушает [статью 46](#) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее [статьей 55 \(часть 3\)](#). Такой подход отражен, например, в [Постановлении](#) Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 года N 6-П.

Использование Конституционным Судом Российской Федерации принципов равенства и соразмерности как конституционных критериев оценки пробелов в законодательстве имеет важное методологическое значение, поскольку в ином случае - если исходить из того, что соответствующие требования, критерии присущи нормативному содержанию каждого в отдельности конституционного права (что, возможно, предполагалось Конституционным Судом Российской Федерации при вынесении рассматриваемого Постановления), - возникает угроза размывания единых и универсальных конституционных стандартов равноправия и соразмерности, создаются предпосылки для произвольного и чрезмерного государственного вмешательства в одни права в соотношении с другими, такими же по своему характеру.

Очевидно, однако, что если отсутствие определенности в отношении установленных законом критериев индексации взысканных судом сумм приводит к невозможности реализовать право на такую индексацию, то происходит не только произвольное ограничение одного из правомочий в составе нормативного содержания права на судебную защиту, но и ущемление имущественных интересов взыскателя (на что, кстати, заявители прямо указывают в своих жалобах), и это свидетельствует о том, что есть основания ставить вопрос и об умалении права ([статья 55, часть 2](#), Конституции Российской Федерации), коль скоро основное, ядровое правомочие полностью блокируется.

Вывод же о неконституционности [части первой статьи 208](#) ГПК Российской Федерации вследствие нарушения лишь [статьи 46 \(часть 1\)](#) Конституции Российской Федерации по мотиву пробельности как бы ориентирует на то, что законодатель во исполнение Постановления призван скорректировать (уточнить, дополнить) именно (и только?) процессуальное регулирование в соответствующем его сегменте. Между тем как раз понимание того, что в конкретном деле имеет место нарушение не только права на судебную защиту, но и принципов равенства и соразмерности во взаимосвязи с имущественными правами, позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, восполнение выявленного Конституционным Судом Российской Федерации пробела и устранение тем самым конституционно-дефектной неопределенности правового регулирования могут быть реализованы на вариативной основе, в том числе путем изменения (дополнения) соответствующего отраслевого регулирования с возможными указаниями на сферу применения тех или иных индексов, характеризующих инфляционные процессы. С другой стороны, само понимание природы института индексации взысканных судом сумм на основе единства процессуальных и материально-правовых начал позволяет, как представляется, более объективно оценить и последовательно реализовать возможности судебной практики с точки зрения необходимости учитывать специфику тех или иных инфляционных процессов, а также использовать уже сейчас, не дожидаясь изменений в правовом регулировании, индекс потребительских цен в качестве важного материального критерия индексации.

Именно поэтому предложенные в рамках настоящего мнения некоторые дополнительные соображения, касающиеся природы института индексации, и уточнение отдельных аргументов в обоснование неконституционности проверяемой нормы имеют не только чисто доктринальное, но и практико-прикладное значение как для законодателя, так и для правоприменителя. В частности, законодатель, реализуя требования, сформулированные в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2018 года N 35-П, не может не учитывать в рамках своих дискреционных полномочий межотраслевой, многоплановый, в том числе материально-правовой, характер проблемы критериев индексации взысканных судом сумм. Что же касается судебной практики, то сам по себе взгляд на эту проблему с позиций пробельности, создающей ситуацию неопределенности, предполагает возможность и необходимость искать (и находить с помощью известных методологических подходов и способов преодоления пробелов) те или иные варианты решения соответствующих вопросов с учетом особенностей конкретных сфер общественных отношений, которые претерпели инфляционное воздействие и нуждаются в поиске критериев индексации. Остается также надеяться, что примененная в названном

Постановлении система аргументации неконституционности проверяемой **нормы** будет приобретать прецедентное значение для конституционно-судебного нормоконтроля в иных делах, касающихся процессуально-правовой защиты имущественных интересов граждан, с учетом уяснения в том числе и тех вопросов, которые стали предметом анализа в настоящем мнении.